

Ольга Большакова

Рец. на: П.А. Трибунский. Российское зарубежье и становление россиеведения в Великобритании и США (конец XIX в. – 1920 г.). М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2021. 297 с.

Olga Bolshakova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad. op.: P.A. Tribunskiy. Rossiyskoye Zarubezh'ye i stanovleniye rossiyevedeniya v Velikobritanii i SShA (konets XIX v. – 1920 g.). Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722060292, EDN: MPHZMH

Интерес к зарубежным исследованиям России традиционно высок и направлен в первую очередь на образы и интерпретации нашей страны, которые можно было бы кратко определить как «взгляд со стороны». В то же время существует понимание, что зарубежная наука о России имеет свою более чем вековую историю, и её изучение необходимо в том числе для более адекватной оценки выработанных за это время концепций. В центре внимания немногочисленных работ по данной проблематике — институции и персоналии, причём как в англосаксонских странах, так и в Западной и Восточной Европе¹. Большинство из них посвящены достаточно ранним этапам развития россиеведческих исследований, что позволяет обращаться к архивам и привлекать источники личного происхождения.

Монография П.А. Трибунского вносит свой вклад в развитие этого научного направления. Автор сосредоточился на изучении начального периода в истории британского и американского *академического россиеведения*. Содержание употребляемого им термина «россиеведение» вполне соответствует тому, как его раскрыла в своей статье-рецензии А. Плате, писавшая о «научно-популярном, часто поверхностном взгляде», с которым в немецком языке ассоциируется корень «-ведение», отсылая нас к таким дисциплинам, как страноведение или краеведение². Однако для избранного Трибунским хронологического периода термин вполне уместен, поскольку научное изучение России тогда находилось в стадии зарождения. Специалистов такого рода в Великобритании

и США было крайне мало. Потребность в них начала ощущаться уже на рубеже веков и особенно усилилась в годы Первой мировой войны, как пишет автор, «в рамках борьбы за русский рынок» (с. 6). Их нехватка в университетах восполнялась за счёт дилетантов — немногочисленных выходцев из Российской империи, которые преподавали русский язык и в ряде случаев могли выступать в качестве специалистов по «русскому вопросу».

Именно им и их роли в становлении дисциплины, получившей впоследствии название *Russian/Soviet studies*, или «русистика», и посвящена книга. Характерно, что Трибунский предпочитает называть объект своего исследования «российским», а не «русским» зарубежьем, поскольку национальная принадлежность героев книги зачастую была, по его словам, весьма запутанной, а в тот период далеко не всегда означала смену подданства или переселение (с. 7). Конечная точка исследования — 1920 г. — также представляется правомерной, поскольку, как пишет сам автор, после окончания Гражданской войны массовый исход из Советской России людей с высшим образованием и учёными степенями кардинально изменил ситуацию в зарубежных университетах. Появилась возможность более придирчиво подходить к выбору персонала (с. 8).

Роль историков-эмигрантов из России в становлении «русских исследований» в США была в своё время хорошо изучена³, ранний этап формирования британского россиеведения также получил некоторое освещение в историографии⁴. Однако далеко не все аспекты в них рассмотрены, и автор явно поставил себе задачу восполнить существующие пробелы в том, что касается институций и персоналий, применив традиционный и доведённый здесь до абсолю-

та институциональный подход. Книга и построена соответствующим образом: в первых двух главах помещены данные о преподавании в университетах и колледжах предметов, относящихся к России (в основном русского языка), в третьей — даны биографии преподавателей.

Автор собирал сведения во многих российских (ГА РФ, ОР РГБ, ЦГАЛИ, Архив внешней политики Российской империи и др.) и зарубежных архивах, с особым вниманием он отнёсся к хранилищам крупных университетов (Гарварда, Йеля, Колумбийского, Ливерпульского, Манчестерского, Королевского колледжа в Лондоне и его Школы русских и славянских исследований, и др.). В основном это делопроизводственная документация, однако используются и источники личного происхождения — дневники, воспоминания, переписка. Трибунский подключил и опубликованные материалы, в том числе исторические обзоры и официальные издания британских и американских университетов, дополнив их прессой (включая университетскую). Он скрупулёзно зафиксировал имена преподавателей российского происхождения и названия читавшихся ими курсов, справедливо указав, что от этих личностей во многом зависела конфигурация образовательного пространства и то, как будет в дальнейшем развиваться россиеведение. Автор реконструировал ситуацию в каждом отдельно взятом университете: когда и по чьей инициативе там началось изучение России, как искали преподавателей, какие ведомства и авторитеты были задействованы и что из этого получилось. Довольно часто, однако, ему приходится добросовестно констатировать, что «дальше обсуждений дело не пошло» или что сведений о дальнейшей судьбе тех или иных людей и проектов «обнаружить не удалось» (с. 40, 51, 61 и др.).

Представленный в книге материал убедительно показывает, что в начале XX в. о профессиональном изучении России не могло быть и речи — в основном велось лишь преподавание русского языка и литературы для начинающих, с небольшими экскурсами в историю и экономику. Перед нами раскрывается картина самых первых шагов в развитии россиеведения в англосаксонских странах, для которых характерны, в отличие от стран континентальной Европы, почти полное отсутствие государственного вмешательства и широкая поддержка исследований частными лицами, торговцами и промышленниками (с. 6). Её интенсивность была напрямую связана с интересом к России, который резко вырос в 1915–1916 гг. и снизился после революции 1917 г., что, в частности, привело к отмене на какое-то время «русских предметов» в ряде учебных заведений (с. 70).

В то же время на фоне официальной информации об учреждениях высвечивается роль личностей, прежде всего историка Б. Пэрса, стоявшего у истоков создания в 1907 г. Школы россиеведения в Ливерпульском университете, а в 1915 г. — при активном участии Р.У. Сетон-Уотсона — Школы славянских исследований в Королевском колледже Лондона. Представлены в книге и неизвестные страницы сотрудничества Чикагского университета с крупными русскими учёными. К примеру, М.М. Ковалевский прочитал здесь в 1901 г. курс из 12 лекций по истории российских учреждений, а П.Н. Милюков в 1903 г. — 18 лекций, основанных на его «Очерках по истории русской культуры». Вторая поездка Милюкова в США состоялась зимой 1904–1905 гг., по её итогам на английском языке вышла книга «Россия и её кризис», где автор имел возможность высказать достаточно смелые суждения «о соотношении на-

ционалистических, социалистических и либеральных идей в России, писал о необходимости и срочности проведения реформ, доведя изложение до 9 января 1905 г.» (с. 89). Эта книга, как известно, надолго вошла в золотой фонд россиеведения.

Следует подчеркнуть, что Трибунский сознательно избегает повторения уже опубликованного предшественниками, что особенно ярко проявилось в третьей главе, посвящённой персоналиям. В ней в алфавитном порядке приведены биографии только тех участников становления россиеведения в англосаксонских странах, которые не были предметом изучения прежде. В книге даются лишь ссылки на биографии Ковалевского, Милюкова, П.Г. Виноградова, С.М. Волконского, А.М. Ону, А.Ц. Ярмолинского и др. Представленные 23 биографии сильно различаются по объёму. Иногда это всего несколько строк, но зачастую — довольно обширные очерки, снабжённые фотографиями. Яркий пример — биография А. Брылинской, много способствовавшей повышению интереса к русскому языку и уровню его преподавания в Англии.

Ценным источником в условиях нехватки материала оказались дела о натурализации в Великобритании, содержавшие сведения заявителей о себе и дополненные сообщениями местной полиции. Следственные дела российской полиции и материалы по разоблачению сотрудников её заграничной агентуры также внесли свой вклад в авторскую реконструкцию. В частности, выяснилось, что политэмигрант В.Г. Гудин, преподававший в 1915–1917 гг. русский язык в Ливерпульском университете и имевший широкие связи с соотечественниками и британцами, являлся секретным сотрудником охраны.

Тщательно собранные из разнообразных источников и перепровер-

ренные данные — главное достоинство книги. Исследователи могут обращаться к ним, будучи уверенными в надёжности информации. Однако это именно информация, причём структурированная достаточно формально, что придаёт книге характер справочника. В ней явно не хватает заключительного очерка, некой авторской интерпретации и хотя бы предварительного анализа данных, например о национальном и социальном составе преподавателей. Кроме того, заметна некоторая небрежность при подготовке книги к публикации, что вылилось в немалое количество опечаток и неточностей в переводе. Так, в британском английском «преподаватель» (особенно, если речь идёт о преподавании языка) обозначается словом *lecturer*, а в американском — *instructor*, автор же использует кальки — эти коварные ловушки для неопытного переводчика.

Тем не менее книга П.А. Трибунского представляет собой важный вклад в исследования, которые, несмотря на всё возрастающую актуальность темы, пока весьма фрагментарны и не набрали необходимого багажа. Рецензируемая монография способствует переводу их в академическую плоскость, что позволяет уйти от неумеренной политизации и объективно (насколько это возможно) посмотреть на то, как изучали (и понимали) Россию за рубежом.

Примечания

¹ Зарубежное россиеведение / Под ред. А.Б. Безбородова. М., 2012; *Петров Е.В.* История американского россиеведения: Курс лекций. СПб., 1998; *Кодин Е.В.* Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016; *Меньковский В.И.* Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. Минск, 2000; *Филитов А.М.* Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 128–139; East and West: History and contemporary state of Eastern studies / Ed. by J. Malicki, L. Zasztowt. Warsaw, 2009; *Gorizontov L.* East European Studies at Harvard University during the «Cold War» Era (based upon memoirs by M.K. Dziewanowski) // East and West... P. 113–121. Следует заметить, что корпус подобных исследований на иностранных языках весьма обширен.

² *Плате А.* Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 65. 2020. Вып. 4. С. 1329–1330.

³ *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX столетия: источники и историография. СПб., 2000; *Болховитинов Н.Н.* Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

⁴ *Зашихин А.Н.* Британская Rossica второй половины XIX — начала XX в. Архангельск, 1995; *Некрасов А.А.* Становление и развитие россиеведения и советологии в Великобритании // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое и Новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Арзамас, 2016. С. 122–138; *Тараторкин Ф.Г.* От россики к советологии: Формирование образа России в британском научном россиеведении в XIX–XX вв. // Исторические записки. 2014. С. 323–340.